

Кудринский Федот Андреевич

Людские волны. Беженцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф34

Ф34 **Федот Андреевич К.**
Людския волны. Беженцы / Кудринский Федот Андреевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 204 с.

ISBN 978-5-519-91524-3

ISBN 978-5-519-91524-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ф. КУДРИНСКИЙ (Вогданъ Степанецъ).

ЛЮДСКІЯ

ВОЛНЫ

БѢЖЕНЦЫ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО БЫВШ. М. В. ПОПОВА.

ПЕТРОГРАДЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рогачеву, небольшому уѣздному городу Могилевской губерніи, суждено было сдѣлаться въ великую европейскую войну одной изъ важнѣйшихъ артерій бѣженства. ¹⁾ Черезъ этотъ городъ въ 1915 г. прошло только-зарегистрированныхъ около 700.000 человѣкъ. Бѣженцы прибывали сюда постепенно. Вначалѣ на бѣженство смотрѣли, какъ на одинъ изъ множества случайныхъ эпизодовъ, которыми, вообще, сопровождалась война. Полагали, что движеніе бѣженцевъ со временемъ не прекращалось. Время шло. Война перешла въ своего рода „переселеніе народовъ“, и бѣженство стало народно-государственное явленіе. И, какъ и во всемъ, вначалѣ мало обращалъ на него вниманія. Этимъ объясняется, почему мои первыя записи о бѣженцахъ случайны и кратки. Но, съ теченіемъ времени, наблюдая ту съ каждымъ днемъ все ширившуюся волну людей, выбитыхъ изъ своихъ родныхъ мѣстъ гуломъ орудій приближавшагося непріятеля, я глубже отдался этому явленію и сталъ изучать его, какъ могъ.

¹⁾ Городъ имѣетъ 23,000 жителей. Расположенъ на „рогу“, при паденіи Друти въ Днѣпръ, при желѣзной дорогѣ (Жлобинъ-Петроградъ), имѣетъ пароходную пристань, лѣсопильный и кирпичный заводы, картонную фабрику. Въ городѣ ²/₃ евреевъ, остальные христіане. Есть старообрядцы и поляки. Несмотря на незначительность населенія, Рогачевъ богатъ учебными заведеніями. Кромѣ обычныхъ народныхъ училищъ, въ немъ находятся: высшія начальныя училища, низшее техническое училище, женская земская гимназія, учительская семинарія, реальное училище. Въ ближайшемъ будущемъ открывается среднее гидро-техническое училище. Имѣется хорошо оборудованная, богатая книгами общественная бібліотека.

Я долго думалъ, въ какой формѣ изложить свои наблюденія и рѣшилъ передать ихъ въ видѣ непосредственныхъ записей, безъ широкихъ обобщеній. Я пишу о томъ, что видѣлъ, слышалъ и отчасти, что чувствовалъ въ эту тяжелую годину народнаго бѣдствія. Полагаю, что именно такая форма изложенія болѣе всего отвѣчаетъ потребности всесторонняго изученія бѣженства. Извѣстныя мнѣ фамиліи лицъ, преимущественно крестьянъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить (я старался, по возможности, узнавать ихъ фамиліи), предаю гласности.

Въ Рогачевѣ для бѣженцевъ работали разныя организации. Львиную долю работы взялъ на себя Татьянаинскій Комитетъ, энергично работавшій подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго предводителя дворянства В. С. Глуховцова.

Но я мало говорю объ организаціяхъ. Своей задачей я ставилъ изученіе почвенной, такъ сказать, черноземной стороны бѣженства. Я пытался записывать такіе факты, которые дали бы возможность „зарегистрировать душу“ русскаго крестьянина въ необычайныхъ для него условіяхъ бѣженства.

Иногда я вынужденъ говорить и не о бѣженцахъ. Это понятно. Къ такому широкому соціальному явленію всегда что-нибудь „прилипаєтъ“ со стороны, чего нельзя обойти молчаніемъ.

Авторъ.

1915 г. 8-го июля.

— А знаете, въ Рогачевъ прибываютъ нѣмцы-колонисты, болѣе тысячи человѣкъ,—сказала за обѣдомъ Н. А. Ш-ъ. Говорятъ, ихъ выселяютъ изъ польскихъ губерній. Уже наняты подводы, чтобы отправить ихъ дальше.

— Гдѣ они остановятся?—поинтересовался я.

— Хотѣли отвести мѣсто за городомъ, но нашли неудобнымъ... Кажется, остановятся въ городѣ. Говорятъ, пробудутъ здѣсь нѣсколько дней. Ихъ насильно выгоняютъ..

9-го июля.

«Колонисты» прибыли. Это были не первые гости въ Рогачевѣ. Но въ такомъ количествѣ городъ ихъ еще не видѣлъ. Они расположились недалеко отъ реальнаго училища, на песчаной небольшой площади, обнесенной высокимъ частоколомъ. Это были русскіе, нѣмцы и поляки. Они двигались изъ пограничной полосы, главнымъ образомъ, изъ Люблинской и Холмской губерній.

Погода благопріятствовала расположенію каравана подъ открытымъ небомъ. Солнечно и тепло.

Женщины въ ярко пестрыхъ костюмахъ хлопотали по хозяйству у костровъ, приводили въ порядокъ свой домашній скарбъ и ворчали. Дѣти играли тутъ же, на пескѣ. Ихъ забавляла новая обстановка. Мужчины дѣлали навѣсы у забора, устанавливали сундуки, ворочали тяжелыя вещи. Это былъ не бѣдный народъ, судя по захваченному ими домашнему скарбу. Они везли съ собой кованые сундуки, перины, теплое платье, разную посуду и проч. Нѣкоторые захватили швейныя

машины, разные кухонные приборы (для чистки картофеля, для приготовления котлетъ и проч.).

Пестрота одежды, особенности обращенія межъ собой и иностранная рѣчь (говорили исключительно по-нѣмецки или по-польски) сразу показывали, что въ Рогачевъ вторгся посторонній этнографическій элементъ, чуждый мѣстному населенію, которое встрѣтило его довольно недружелюбно.

— Вотъ нанесло ихъ!.. Не знали бѣды!.. Что же, они у насъ останутся? Кто ихъ кормить будетъ?

Колонистамъ тоже не нравились рогачевцы. Объ этомъ яснѣе всего говорили фізіономіи прибывшихъ. Это были озлобленныя, крайне недовольныя лица.

Мнѣ хотѣлось поговорить. Я обращался съ обычными участливыми вопросами къ колонистамъ, но встрѣчалъ одни лишь недружелюбные отвѣты, если не по содержанію, то по тону. На вопросъ: откуда и куда ѣдутъ, слышался, напр., такой отвѣтъ:

— Мы знаемъ, откуда мы ѣдемъ, а куда насъ чортъ несетъ, не знаемъ. Ёдемъ «до дзябла»!..

— Съ какого времени вы въ дорсгѣ?—обращаюсь къ другой группѣ.

— А съ тѣхъ поръ, какъ выѣхали...

Въ такомъ родѣ отвѣчали не мнѣ одному. Какой то чиновникъ велъ регистрацію колонистамъ и записывалъ села, изъ которыхъ они выѣхали. Они отвѣчали, конечно... но какимъ тономъ! Нужно было слышать этотъ тонъ!..

— Зачѣмъ это нужно для пана? Насъ уже записывали, или, можетъ, еще мало рекрутовъ?—язвительно говорилъ колонистъ, лежа подъ навѣсомъ.—Вотъ тамъ въ люлькѣ есть «дзѣцко», возьмите и его... «Нехай» царъ напьется его крови.

Чиновникъ отходилъ. Впрочемъ, колонисты и межъ собой порядочно «грызлись». Брани не было слышно, но ворчанье и повышенные разговоры стояли на всей площади. Спорили, главнымъ образомъ, изъ за того, что не то взято, что нужно въ дорогѣ, что многое нужное забыто. Мужчины ссорились съ женщинами, женщины били дѣтей, дѣти кричали. И все это

покрывалось ѣдкимъ, удушливымъ дымомъ, разстилавшимся по площади въ тихую, безвѣтренную погоду.

— Давайте намъ помѣщеніе! Мы не можемъ тутъ стоять! — почти кричала какая то фигура, стоя среди площади и обращаясь неизвѣстно къ кому. — У насъ дѣти!.. Мы не можемъ ночью на холодѣ ночевать!

Я сказалъ, что для дѣтей будетъ отведена женская гимназія Деревяннное одноэтажное зданіе частной женской гимназіи Анисимовой стояло тутъ же, напротивъ...

— Въ такихъ «мѣшканьяхъ» у насъ «быдло» ¹⁾ стоитъ!

Слышалась брань по адресу Россіи. Ее считаютъ виновницей войны и всѣхъ несчастій. Говорили, что пора уже заключить миръ, что довольно губить людей, что Россія никогда не побѣдитъ Германіи. — Развѣ Россія государство? Настоящее государство только нѣмецкое. И царь то вашъ не настоящій, а нѣмецкій... При моемъ приближеніи и, вообще, при приближеніи кого-либо не изъ «колонистовъ». рѣзкія выраженія смягчались или совсѣмъ затихали.

Въ тонѣ рѣчи, въ манерѣ говорить, въ самой осанкѣ колонистовъ чувствовалось что то настойчивое, властное, иногда вызывающее... Люди не гнули головы, не снимали шапокъ, а стояли прямо... не просили, а требовали.

Стражники со всѣхъ сторонъ оберегали доступы къ «колонистамъ». Всякаго рогачевскаго любопытствующаго обывателя они настойчиво просили «осадить, пожалуйста, назадъ».

Медицинская комиссія дѣлала свое дѣло добросовѣстно. Она обходила не разъ, даже ночью, площадь колонистовъ въ составѣ врача, фельдшера и сестры милосердія (передъ ними обязательно стражники), обстоятельно разспрашивала (по-нѣмецки и по польски), нѣтъ ли больныхъ и, если находились, оказывала немедленную помощь. Тяжело больныхъ, особенно дѣтей, отправляли въ больницу.

10—12 іюля.

Переговоры городской администраціи съ женской частной гимназіей о приютѣ колонистовъ, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣтей,

¹⁾ Скотъ.

велись тѣмъ темпомъ, какимъ, какъ я замѣтилъ. ведутся такого рода «гражданскія дѣла» во все время войны, если только не вмѣшивается военная власть. Это медлительное переваливаніе колоды черезъ пень, съ неизбѣжнымъ раздумьемъ и останковками. Тутъ не было даже никакихъ препятствій по существу. Обѣ стороны были согласны, что нужно сейчасъ же пріютить колонистовъ, тѣмъ болѣе, что погода рѣзко измѣнилась, и стоянка превратилась въ сплошной дѣтскій плачъ.

А. между тѣмъ, происходили такіе «антифоны».

— Обязательно нужно отдать гимназію для выселенцевъ, ихъ дѣти дрогнуть ночью отъ холода! Трудно найти другое близкое къ переселенцамъ и столь удобное помѣщеніе, — говорила одна сторона...

— Да... но вѣдь гимназія не городская и не правительственная, а частная,—резонно отвѣчала другая.—Зданія въ скоромъ времени понадобятся намъ. Скоро начнутся занятія.

Черезъ нѣкоторое время.

— Нельзя медлить! Женская гимназія отдается колонистамъ. Слѣдуетъ прислать кого-либо вымыть полы... телефонировала администрація.

— Но у насъ теперь нѣтъ для этого соответствующихъ людей!... да и время каникулярное.

Черезъ нѣкоторое время.

— Зданіе уже занято,— и необходимо оттуда вынести вещи, относящіяся къ гимназіи!

— О, конечно,—съ полной нашей готовностью, но у насъ негдѣ ихъ сложить.

Для полного представленія такихъ переговоровъ, слѣдуетъ прибавить, что они приправлялись ссылкой на исправника, пристава, предсѣдателя совѣта, начальницу, предводителя. Телефонили, дѣлали представленія. давали приказанія, а дѣти, дѣйствительно, зябли. Когда надъ городомъ разразилась гроза, нѣкоторая часть колонистовъ была впущена въ гимназію,—преимущественно женщины и дѣти. Для двухъ женщинъ сейчасъ же

понадобилась акушерка, но роды произошли благополучно и безъ медицинской помощи. Небольшое деревянное зданіе гимназіи не могло вмѣстить всѣхъ. Большинство выселявшихся оставалось подъ открытымъ небомъ.

13-го іюля.

Позднимъ вечеромъ ходилъ въ стоянку. Вся площадь дымить кострами. Около нихъ копошатся люди. Хозяйки хлопчутъ объ ужинѣ. Ихъ не удовлетворяетъ казенная пища. У костровъ стоятъ эмалированные чайники и мѣдныя кастрюли. Нѣкоторые пьютъ кофе.

Каждая семья сидитъ у отдѣльнаго костра. У всѣхъ разнообразные, но отдѣльные интересы.

Невольно обращаютъ на себя вниманіе неподвижныя, какъ бы застывшія фигуры. Это—старики, старухи и больные.

Должно быть, потому, что я былъ не въ форменной фуражкѣ, мнѣ удалось найти колонистовъ, которые встрѣтили меня любезнѣе... Они рассказали, какъ ихъ заставляли рыть окопы, а потомъ вдругъ велѣли прекратить работу, описали все имущество и насильно выселили. Жаловались на грубость стражниковъ, на непривѣтливость русскихъ.

— ...И зачѣмъ насъ выселять? Евреи однако остались. Значить, можно остаться. Мы такіе же подданные.

— А сколько времени вы ѣдете?

— Уже четыре недѣли, какъ выѣхали изъ Люблинской губерніи. Все оставили: «и збоже, и будынки, и быдло»... Посадили насъ на подводы и повезли. И что это за подводы? Развѣ у насъ такіе возы? или такіе кони? Вотъ Вильгельмъ завоюетъ Россію, такъ онъ покажетъ Вамъ хозяйство.

Пища тоже не нравится.

— Мы не привыкли къ русской пищѣ!

Нѣсколько дѣтей умерло въ дорогѣ. Одна «матка» ни за что не хотѣла разставаться съ «труной»¹⁾ ребенка, хотѣла

¹⁾ Гробомъ.

взять ее съ собой... Говорить: когда вернусь, то похороню его на своей землѣ.

А куда вы отправляетесь?

— Насъ везутъ въ Новозыбковскій уѣздъ. А «панъ» не знаетъ, что это за уѣздъ? Какъ тамъ земля? Хороша?

Безпокойство о будущемъ, крайняя заботливость о дѣтяхъ, требованіе удобствъ и даже комфорта, сознательное пониманіе момента и нѣкоторая доля нахальства, все это были черты, слишкомъ бросающіяся въ глаза въ этой первой большой людской волнѣ, которую я наблюдалъ въ Рогачевѣ.

14-го іюля.

Ночью шелъ дождь. Вываленные на землю пуховики и перины намокли. Картина измѣнилась. Дѣтскій плачь сильнѣе. Слышатся хриплые дѣтскіе голоса и удушливые приступы кашля.

Съ глубокаго утра идетъ «упаковка» колонистовъ. Сегодня ихъ отправляютъ дальше. Большое затрудненіе встрѣтилось при ихъ размѣщеніи на подводахъ. Семьи ни за что не желали разрываться и ѣхать на разныхъ подводахъ, но помѣститься на маловмѣстительномъ бѣлорусскомъ возкѣ онѣ не могли. На этой почвѣ произошло не мало недоразумѣній. Въ нѣкоторые эпизоды должна была вмѣшаться полиція.

— Поровну!... чтобы на каждой подводѣ поровну!...

Наконецъ, кое-какъ размѣстились. Въ одиннадцатомъ часу колонисты длиннымъ обозомъ тронулись дальше. Нужно было видѣть, съ какими гримасами они возсѣдали на своихъ высокихъ сундукахъ и узлахъ, неуклюже уложенныхъ на чуть не игрушечныхъ бѣлорусскихъ возахъ! Конечно, мужчины шли. Стражники сопровождали обозъ.

— Что вы такъ долго гостили въ Рогачевѣ?

— Подводъ нельзя было достать. Время рабочее.

Обозъ сначала шелъ по Георгіевской улицѣ, но направленіе оказалось ошибочнымъ.

— Не туда! Назадъ! Вороти на Друтскую!—поскакалъ конный стражникъ къ переднему возу.